среди зелено-
. Цвикау —
обычи угля в
кая Демокра-
ика, как из-
первое место
бурого угля.
слышали мы
возмущения
когда вместе
изору кадры,
о зверствах
енщины во

ка Соединен-

го права и
матических
евращают-
рода прак-

льный про-
действий
ы, МИД
на своем
китайские
безотлага-
вные меры
счинств у
ва и обес-
условия
ти».

потом погибли.
Кете исчезли
его будущей

сомнения в
ада комиссии
Уэлш потребо-
вого тщатель-
убийства пре-

ем моло-
тавил его

Немного волнуется, но переводит хорошо, живо отвечает на наши вопросы.

— В школе у нас однажды был диспут,—говорит Мишлен.— Тема очень волнующая для каждого из нас: «Пути воссоединения Германии». Говорили все до хрипоты. Каждый что-то предлагал. Но все сошлись на одном: объединение возможно только на демократической основе, только при условии, что будет установлено настоящее сотрудничество между двумя нашими государствами. Сейчас таких условий нет. И виноваты в этом только реваншисты Западной Германии, капиталисты. А рабочим нравятся наши порядки: быть самим хозяевами на предприятии.

Мы говорим с Мишленом по самым разным вопросам. В Карл-Маркс-штадте он знакомит нас со своими друзьями, и мы видим, что и они разделяют мысли и взгляды Мишлена, и что главное в их мыслях — горячая симпатия к советскому народу, желание строить социалистическую Германию, желание жить в мире и в дружбе. «Фройндшафт», «Дружба»,— вот самые популярные слова в ГДР.

Две недели провели мы с Мишленом Хольтом. Когда тронулся поезд Берлин—Москва, Мишлен долго бежал рядом с нашим вагоном, махая на прощание рукой и улыбаясь немного грустно, как бывает всегда, когда расстаются настоящие друзья.

Е. РАДКЕВИЧ.

Новому «Вартбургу»—

ВЛКСМ

Орган Башкирского обкома ВЛКСМ

★ СУББОТА, 29 ОКТЯБРЯ 1966 года

№ 130 (3893)

Издается с 1923 г.

★ Цена 2 коп.

симальная скорость, которую развивает новый «Вартбург», равна 130 километрам в час.

Печать, радио и телевидение в обоих германских государствах высоко оценили новинку, созданную автомобилестроителями славного рабочего города Эйзенаха.

Появление нового «Вартбурга», несомненно, свидетельствует о новых достижениях автомобильной промышленности ГДР. Нам, советским людям, также дороги успехи немецких друзей, и мы от души желаем новой машине доброго пути.

ПОДЫМ В БЕЗДНУ

В ПОИСКАХ СЕБЯ

...На следующем уступе мы присели отдохнуть. Штормовые костюмы вымокли от пота, но их нельзя снять — иначе издерешься в кровь о камни и сухие сучья. Пот щиплет глаза и ссадины на руках.

А внизу манит прохладой река, шумит перекатом, но о ней, пока не нарубим сухостой для плотов, нечего и думать.

Справа, метрах в пятидесяти от нас, сыплются камни. Это Толя. Обвязавшись веревкой, он осторожно идет к сухой сосне на небольшом уступе. Доносятся гулкие удары топора, минуты через две сосна начинает дрожать, потом клонится и с грохотом летит вниз. До воды она долетает совершенно «обработанной»: без вершины и без единого сучка.

Передохнув, тащим бревно дальше. Оно то застревает в камнях, то вдруг стремительно накатывается на нас сзади. Тогда нужно бросать веревку и как можно быстрее отпрыгивать в сторону.

И так с уступа на уступ.

Вдруг из-под моей ноги срывается камень и летит прямо на Камалова.

— Володя!—сдавленно кричу я, хотя знаю, что уже поздно.

Но он успевает мгновенно изогнуться, подпрыгнуть, широко расставив ноги, и каменная глыба пуда в два пролетает у него между ног и долго гремит вниз по уступам. Я устало опускаюсь на камни и вытираю рукавом холодный пот.

— Ну что? Потащили дальше? — только и сказал Камалов, рассматривая ссадины на ногах...

* * *

Что мне дают эти дороги и зачем мы вообще приходим сюда? Изучение пещер имеет народнохозяйственное значение, представляет большой интерес для гидрогеологов, биологов, археологов... Все это правильно. Можно еще сказать, что на земле больше нет белых пятен, но они еще есть под землей. И это правильно. И то, что мы первоисследователи. Приятное все-таки и немного странное чувство, когда твой каждый шаг—первый, когда каждый твой шаг — в неведомое. Но все-таки это не самое главное, что зовет нас в дорогу, что дает право чувствовать себя человеком и быть по-настоящему счастливым.

Человек сам для себя всегда в какой-то степени «белое», неисследованное пятно: не потому ли мы уходим в эту дорогу? Искать. Искать самого себя. Искать и находить в себе что-то новое.

Сложность работы в необычных условиях дает возможность посмотреть немного иначе на весь мир и, прежде всего, на себя, на товарищей. Иногда сталкиваешься с печальной неожиданностью: вроде бы сильный, даже мужественный человек, на которого, может быть, и надеялся больше, чем на других, оказывается тряпкой или еще хуже—эгоистом. И наоборот, в тихом и физически не очень сильном человеке—звенящая, как жила, воля.

Мысли мои скачут. Я даже не успеваю следить за ними. Я смотрю в синее утреннее небо, от которого мы скоро уйдем...

В ПРОПАСТИ

К Сакаске мы подплываем вечером. Солнце было уже где-то за горами, но еще не село, но внизу вокруг нас все уже потускнело и было сумрачно синим. Внизу по течению, сбгоняя нас, холодной пеленой наплывал туман.

Впереди, где река снова делала крутой поворот, среди окружающего полумрака тусклой позолотой светились рифовые скалы. И над скалами, над темными лесами, над водой стояла необычно суровая и строгая тишина. Словно боясь нарушить ее, мы разом перестали грести и молча смотрели вперед.

Золото скал все тускнело, и последние лучи повисли где-то в воздухе. В пейзаже остались только три краски: черная, темно-синяя и белая. Местность стала еще суровее и строже. Это скорее было похоже на Восточную Сибирь или Крайний Север, чем на Южный Урал.

По перекату прошли мимо двух молчаливых домиков, прижавшихся к скале, и пристали в тихом омуте между скал у фанерной избушки, или казенки, как называют такие избушки лесосплавщики. Перетаскиваем вещи, располагаемся на ночлег.

* * *

Пропасть находится в четырех километрах от нашей избушки. Каждое утро еще по мокрой от росы траве мы пересекаем поляну и ущельем поднимаемся к перевалу. Потом тропа до самой пропасти вьется по сырому и темному лесу. Можно было бы разбить лагерь поближе, но нам не хочется расставаться с Сакаской и с избушкой.

Пропасть начинается семидесятипятиметровым колодцем. Мы были впятером на дне этого колодца в прошлом году. Дальше нам путь преградил ряд новых колодцев, в одном из которых глухо ревела вода. Спуститься к ней мы не могли из-за недостатка времени и снаряжения. Весь год нам мерещилась эта пропасть, и вот мы снова стоим над ее зияющей пастью.

Первым спускается Саша Жаркевич. На этот спуск он сделал заявку еще в прошлом году. Тогда ему не повезло—начав спуск первым, он так и не достиг семидесятиметровой глубины, которую после него сравнительно легко достигли мы. В течение пяти часов он висел на веревке, очищая уступы от камней и пытаясь разобрать спутавшуюся в ком лестницу. А когда ему это, наконец, удалось, оказалось, что лестницы не хватает до дна. Сверху поступил неумолимый приказ:

—Поднимайтесь наверх!

И вот теперь Саша берет реванш. Вторым ухожу я, за мной Камалов. На страховке остаются Петраш и Горин. Лестница скрипит, медленно вращаясь из стороны в сторону. В результате то висишь где-то в середине пропасти, то оказываешься прижатым к сырой и холодной стене.

Небо становится все меньше и меньше. Теперь уже трудно определить голубое оно или облачное, отсюда оно—просто маленькое белое пятно.

И вот мы стоим втроем среди огромных ледяных глыб. Чуть в стороне от нас колодец, в глубине которого глухо ревет река. Пока мы оставляем этот колодец в покое, сегодня у нас просто разведка, а, может быть, нам удастся найти к реке другой подход, более безопасный. В этот колодец будем спускаться только при крайней необходимости, потому что на краях его висят огромные ледяные глыбы, которые время от времени с грохотом обрушиваются вниз.

(Продолжение следует).

Ленинец

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВЛКСМ

Ленинец

Орган Башкирского обкома ВЛКСМ

Издается с 1925 г.

№ 131 (3894) ★ ВТОРНИК, 1 НОЯБРЯ 1966 года ★ Цена 2 коп.

Последний раз смотрим на небо, к которому мы должны вернуться через пять часов.

Я хочу предупредить ребят, что где-то рядом—небольшое озерцо, как бы не попасть в него, но тут же сам по колени оказываюсь в ледяной воде. Вода до того прозрачна, что ее почти невозможно заметить. Приходится переобуваться. Хорошо, что я прихватил с собой запасные носки.

Метров через пятьдесят путь нам преградил обрыв. Здесь кончается путь экспедиции 1965 года. Отсюда начинается дорога в неизведанное. Я свечу вниз, и перед нами открывается гигантская галерея, уходящая в обе стороны от нас. Привязываем к каменной колонне веревку, с Камаловым на дюльфере опускаемся вниз. Вскоре мы стоим на полу огромной галереи, в потолке которой чуть теплится свет Сашиного фонаря. Решаем идти сначала влево. Ходы разветвляются чуть ли не на каждом метре и расходятся в разные стороны. Чтобы не заблудиться, выкладываем на своем пути указатели из камней. Уходим все дальше и дальше. Вдруг Камалов остановился и взял меня за плечо.

— Смотри!

Впереди просачивается неясный свет. Мы смотрим друг на друга, и у нас одновременно мелькает мысль: поверхность.

—Напугаем Петраша и Толю,—говорю я, и мы через скелет коровы лезем вперед.

Выбираемся на четвереньках на какие-то ледяные глыбы, встаем и замираем от неожиданности: рядом с нами болтается конец лестницы, по которой мы спустились вниз. Только теперь приходит запоздалая мысль: откуда бы мы могли так быстро добраться до поверхности, находясь на глубине 85 метров? Не удалось напугать Петраша с Толей. Ну что ж—у нас еще есть возможность удивить Жаркевича. Он ожидает нас, вслушиваясь в пустынный колодец, а мы, как тени, вдруг появляемся сзади.

Втроем возвращаемся к лестнице, сообщаем на поверхность о своих первых наблюдениях, просим еще на час отсрочить контрольное время и уходим вниз теперь уже по найденному, как мы его назвали—Коровьему ходу...

Уже второй час пробираемся каменным мешком в глубь земли к невидимой подземной реке. Но везде путь к ней преграждают колодцы. Пока мы их обходим стороной. Нас поражают размеры ходов—почти нигде нам не приходится нагибаться. Мало того—во многих местах наши фонари чуть подсвечивают потолок. Озеро. Снова колодец, по стенкам его падает небольшой ручей. Гигантский зал у колодца —длиной около 150 метров и в высоту метров 30. Посредине огромная глыба в виде трибуны. Зал сразу получает название Актового.

Сами того не замечая, мы идем все быстрее и быстрее. Начался глинистый подъем. На каждом метре кажется, что сейчас потолок сомкнется с полом, но фонарь выхватывает в камне все новое и новое пространство. Подъем все круче. Теперь уже идем на четвереньках. Вокруг удивительной формы сталактиты и сталагмиты. Такой же длинный и крутой спуск. Этот подземный перевал мы потом назовем Эверестом. А сейчас мы почти бегом идем огромной галереей все дальше в глубь земли.

Скелет медведя. До предела вытянутый вперед череп меж раскинутых лап. Типичное положение медленно издыхающего животного. Откуда он мог попасть сюда? Упал сверху, а потом заблудился? Но как он мог преодолеть столько подъемов и спусков, не разбившись ни в одном из колодцев? Скорее всего он провалился, устраивая в одной из воронок берлогу.

Уже давно вышло контрольное время. Знаем, что на поверхности беспокоятся, но неведомая сила все гонит и гонит нас вперед.

Тупик. Разочарованные садимся отдохнуть перед обратной дорогой. Остается только взглянуть в небольшой боковой ход. Но ход вдруг расширяется и чувствуется большой поток воздуха. И мы снова стремимся в темноту. 100 метров, 200, 250... Сталактитовые колонны, речки, каскады... Ход стремительно бросается из стороны в сторону, вверх — вниз, словно стараясь убежать от настигающего луча света. За каждым поворотом грозит оборваться тупиком. Но луч фонаря неутомимо гонит его в глубь земли. Но вот луч беспомощно кружит в темноте. Это снова нам путь преградил колодец. Опять по нему сочится вода и из зияющего зева поднимается сырой и холодный туман.

На сегодня хватит. Надо возвращаться обратно. Сразу появляется усталость и начинает мучить голод. Кое-как добираемся до Эвереста, устраиваем привал. Фонари еле светят, но запасные батареи пока не трогаем. Делим на троих последний кусок сахара. И снова карабкаемся вверх по глине. Через полчаса выходим к лестнице и, задрав головы, молча смотрим в небо.

— Какая погода? — спрашиваю я.

В ответ — возмущенные голоса. Мы опоздали на два часа, заставив товарищей не на шутку поволноваться. Но они сразу успокаиваются, когда узнают, что Капова пещера больше уже не самая крупная в Башкирии.

Первым ушел вверх Камалов. Прошло уже десять минут, но он еще не вышел на поверхность. Сказывается усталость. А потом наше правило — не торопиться. Если хочешь чего-нибудь достичь, прежде всего надо остаться живым. Не надо устанавливать никому не нужных рекордов. Это далеко не самое главное в работе спелеолога. Мы против лихачества некоторых спортсменов-спелеологов, которые поднимаются из восьмидесятиметровых колодцев за пять минут и кичатся этим. Это может привести к неоправданному и непростительному риску...

Сверху доносится крик Камалова. Запутался в страховке, разговаривает с поверхностью.

Рядом со мной стоит Саша Жаркевич. Смотрит вверх и мычит под нос какую-то песню. Я не могу удержаться от улыбки. Уж очень у него оригинальный вид: грязная избитая каска, роговые очки, борода.

Вот Жаркевич перестал мычать, насторожился. Сверху кидают веревку. Свист ее оборвался где-то в середине пропасти — запуталась. Тащат обратно. Рядом упал камень, поднял фонтанчик льда. Камни, падая, «поют» на разные голоса: одни посвистывают, другие повизгивают, третьи ревут басом. По звуку можно определить примерную величину камня и его скорость.

—А все-таки лучше здесь, чем там, наверху,—говорит Саша, подпрыгивая от холода.

Опять свист веревки. На этот раз дошла хорошо. Привязал Жаркевича. Все больше мерзнут ноги. Холод подбирается и к спине. Одиноко звенит капель, заглушая на секунду шум реки внизу. А вверху — небо, и березы, наверно, уже тронуты вечерней позолотой. Жаркевич гимнаст, он намного сильнее меня, и то поднимается очень медленно. Смотрю на часы — нет, он идет быстро, просто это мне кажется от нетерпения. Наконец, его фигура показалась на фоне неба. Еще минута — и он переваливается через край. Ну, теперь немного. Только дождаться веревки.

ГДЕ ТЕКТОНИЧЕСКАЯ ТРЕЩИНА?

Хотя спускаемся сюда не первый раз, все равно испытываем невольное волнение. Так, видимо, и должно быть при настоящей работе. Снова штурмовали левый ход за Эверестом. Спустились в колодец, перед которым остановились вчера, прошли еще несколько коротких колодцев. Под ногами впервые появилась грязь, и густое неприятное чавканье разносится по пещере. Опять красивейшие натеки. Пожалуй, красивее, чем на Эвересте. Один из сталагмитов имеет гигантские размеры: два с половиной метра в диаметре и шесть метров в высоту. Такие на Южном Урале еще не встречались. Новыми ходами прошли около трехсот метров. Для дальнейшего штурма, видимо, придется разбивать подземный лагерь. Ждем подъема на поверхность. Вверху, на небольшом уступе, в щели висит огромная глыба льда. С каждым днем она подтаивает все больше и когда-нибудь может обрушиться. Ее можно и, видимо, нужно обрушить. Но это очень сложно, да и уйдет очень много времени. Это нас удерживает. И мы работаем в надежде, что она все-таки не обрушится, а если обрушится, то тогда, когда нас здесь не будет.

* * *

Спор начался еще у пропасти, едва последний успел выпутаться из веревок и сбросить каску. Но особого накала он достиг в лагере. Чертим на бумаге, чертим в пыли на тропинке около избушки, на ящике из-под макарон. Каждый чертил план пропасти в своем представлении и яростно его защищал, приводя, по его мнению, самые неопровержимые доказательства. И у каждого план не похож на план никого другого. Потом обнаруживаются существенные разногласия в исходных моментах.

— Я отталкиваюсь от тектонической трещины, вдоль которой располагается пещерная система и в которую обрываются все колодцы,— говорит Камалов, и его план красиво пересекает воображаемая тектоническая трещина. Камалов явно не может налюбоваться этой трещиной, густо прочерчивая ее контуры, он продолжает: — И все ходы я привязываю к этой трещине.

Я не против тектонической трещины, но Актовый зал у меня почему-то почти в противоположной стороне. Я привязываюсь совсем не к тектонической трещине, а к стволу пропасти.

(Продолжение. Начало в № 130).

№ 132 (3895) ★ ЧЕТВЕРГ, 3 НОЯБРЯ 1966 года ★ Цена 2 к.

елу, но, пожа-
новники кон-
ди залами на-
елами кабине-
дии филармо-
дагоги, воспи-
ленная армия
бных заведе-
воспитанники

статистике по-
лонии в про-
ационный и
ституты игно-
ты серьезной
проявляя ко-
ргию при до-
на концерты
рады. Недале-
ой и сельско-
институты. О
концерты уча-
в говорить не
ее того, в за-
на серьезных
изредка встре-
забредшего
училища ис-
льно-педагоги-
а. А ведь это
еды музыкаль-
массах!
лекторий, есть
Госконцертом»,
программы из
замечательных
Нельзя ска-
е в программ-
цертов было

Руководствуясь восточной мудростью, «магометы из филармонии» пошли к горе. На заседание в Ленинский роно пришли заведующий оперативным отделом И. И. Пузенский и руководитель лектория Э. М. Давыдова. Им даже не предложили раздеться (некогда нам, мы вопрос о воспитании решаем!) В конце совещания гости получили возможность в течение нескольких минут рассказать о своих планах, но работники роно и директора школ были единодушны: «По рублю за абонемент? Да вы что, пора бесплатно выступать!».

Конечно, работа на общественных началах — великое дело, но как бы реагировали директора, если бы им предложили перевести всю работу педагогического коллектива на общественные начала?

Филармонии нужна помощь руководителей и общественных организаций учебных заведений. В ближайшие месяцы предстоят концерты виолончелиста Апарцева, пианистов Муравлева, Николаевой, Елинайте, певицы Казанцевой, струнного концерта «Эрвек» (ГДР). Усиливается коллектив иллюстраторов группы лектория. Теперь на лекциях-концертах будет много инстру-

Кро-
по-
скри-
олонн-
стоян-
станут
. Кузн-
Неу-
росан-
узыки
ь друг
их ма-
ть, та-
любят

предо-
билеты
. Не-
вачека
и рас-
ечение

звонили
гостя,
ретарь
Худя-
одной
А если
ов рас-
вузах,
и по 5
аншлаг,
лаги на
нашем
едкость.
филар-
Давно
рояле
Говоря
таком
пиа-
и его, и
культ-
нцерты.
рансье,
ки и с
рнацией
со зри-
ние со-
романса

на конн-
несет
еловек.

РКИН,
жест-
БГУ,

— Слушай! — говорю я Камалову.— Как ты можешь привязывать ходы к тектонической трещине, когда мы не знаем ее азимута? Как ты можешь отталкиваться от неизвестного? Где логика в твоих рассуждениях? Ведь все твое построение висит в воздухе.

В этом меня горячо поддерживает Петраш.

— А от чего нужно отталкиваться? — не унимается Камалов.

— От ствола шахты.

— А где у тебя будет проходить тектоническая трещина?

— Ее у меня нет.

— Значит, тектонической трещины нет? — коварно спрашивает Камалов.

— Есть, но пока я не знаю, где она проходит.

— А где у тебя Актовый зал?

И здесь Петраш поддерживает Камалова, хотя только что был на моей стороне.

Дежурный уже несколько раз колотит в рельс, пытаясь зазвать нас на ужин.

А после ужина спор разрастается с новой силой и затягивается далеко за полночь. Спорим, хотя знаем, что спор наш может разрешить только геодезическая съемка. И как она потом показала, все наши планы в общем были неверны, хоть где-то и были близки к истине в деталях.

КОШМАРНЫЕ НОЧИ

Не вернулась в назначенное время группа Богдановича. Никто не ложится спать, все с надеждой посматривают на тропу. Каждый выдвигает свою гипотезу, почему они задержались. Этим мы пытаемся успокоить себя. Приказываю ложиться спать. Нечего бестолку мозолить языки. Нужно хотя бы немного отдохнуть. Если группа не вернется до трех — последний срок,— в десять минут четвертого уходим на поиски.

Всю ночь — зыбкий тревожный сон, вздрагиваю от каждого шороха. Скоро вставать и по мокрой холодной траве идти к перевалу, к черной неизвестности.

...Я уже представляю, как все это будет. Над рекой пронесется режущий и противный звон рельса. Стремительно поднимутся ребята.

— Не вернулась группа Богдановича. Спасательному отряду выйти на маршрут. Взять с собой два кольца веревки, каски, фонари, карабины, медикаменты, продукты на сутки.

И под удивленно-испуганные взгляды рядом остановившихся туристов мы уходим в ночь.

Я думаю об этом и тут же ловлю себя на мысли, что все будет проще и неприятней. Я быстро встану, выгляну из избушки.

«Володя!» — осторожно трону за плечо Камалова. — «Что?» — «Вставай». — «Не вернулись?» — «Нет». — «Коля?» — «Что?» — «Не вернулись». — «Толя!» — «Ага». — «Поднимайся. Не вернулись...».

(Продолжение. Начало в №№ 130, 131)

...Я беру фонарь, переваливаюсь через край, свечу на нижние нары и облегченно вздыхаю: внизу спокойно спит Боря. Вернулись. Несколько минут смотрю в светящееся окно, где в холодном тумане плывут вниз по реке хлопья пены, с неясной теплотой прислушиваюсь к дыханию ребят и закрываю глаза.

Ночью сильно сказывается нервное напряжение, с которым приходится работать днем. То один, то другой начинает бредить, выкрикивать слова, связанные со штурмом Сумгана. Я и себя часто ловлю на том, что ползу каким-нибудь узким уступом или вишу на веревке. Вчера перед утром вдруг заговорил Петраш.

— Миша! Вижу ход прямо перед собой.

Приподнимаюсь на локтях, с улыбкой отвечаю.

— Лезь с фонарем.

— Посвети мне.

Я свечу в ожидании смешного, и он ползет по нарам к окну, и только перед самым окном понимает, что это сон и с руганью возвращается в спальник. А сегодня ночью вскочил Рудик. Он спит рядом со мной. Схватил меня за бороду и тревожно спрашивает:

— Кто это?

— Я.

— Кто?

— Я.

— Почему не лезешь?

— Куда?

— Почему не лезешь? Там что-то случилось.

— Брось, Рудик! Это сон, ночь, понимаешь, ночь. Мы в избушке. Спи! Слышишь, спи!

Он недоуменно разглядывает свой спальник, потом виновато улыбается и ложится спать.

БУДНИ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Подниматься каждый день на поверхность и еще идти четыре километра до базового лагеря становится нерациональным. За день еле успеваем дойти до места, где остановились вчера, а на штурм нового — времени почти не остается. Поэтому меняем график работы. Теперь каждая группа будет уходить под землю на трое суток и жить там. Сегодня на трое суток спустилась группа геодезистов: Богданович, Камалов, Горин, Безроднов. Сложив рюкзаки под уступом, группа сразу же приступила к работе, а тем временем вторая группа — вспомогательная — в Зале медведя за Эверестом разобьет для них лагерь, а к вечеру поднимется на поверхность.

Каждый день в десять часов утра и в семь часов вечера кто-нибудь из вспомогательной группы будет приходить к пропасти и спускать горячую пищу. Это, пожалуй, самая неблагодарная работа в экспедиции — бежать с горячими ведрами по ущелью, обливаясь супом, привязывать ведра к веревке и, чтобы они не перевернулись на уступе, спускаться до глубины двадцати метров и, болтаясь на веревке, пропустить их вниз.

Прежде чем начать спуск, сбрасываем в пропасть жерди для строительства лестниц и геодезических точек. Неожиданно последняя жердь отскочила от стены и комлем ударилась в лестницу. Замерев, вслушиваемся в треск и скрежет.

— Ну что? — с надеждой кричим вниз.

— Перебито пять последних ступенек. Что выше—не видно.

Меня охватывает холодное бешенство. Экономим каждую минуту, экономим на завтраке, чтобы как можно больше времени оставалось непосредственно на спуск. И жерди кидали тоже ради экономии времени, их нужно было спустить на веревке — и вот сэкономили. Спуск теперь задержится не меньше, как на несколько часов. Но Толя спокойно обвязывается веревкой.

— Нечего тянуть время,— говорит он.— Я попытаюсь спуститься.

— А если лестница лопнула где-нибудь выше?

— Не может быть. Да все равно кому-нибудь надо же будет ее проверить.

И он уходит вниз, и только по его глазам вижу, что у него нет особой уверенности в прочности лестницы. Встаем на страховку втроем. Метр за метром напряженно вслушиваемся в упругое сопротивление веревки, пока снизу не доносится Толин голос:

— Кроме нижних ступенек повреждений вроде нет. Можно спускаться.

После всех в пропасть спустился Петраш. В течение четырех часов он будет висеть на веревке и чинить разбитую лестницу.

Иван Константинович Кудряшов с Борей Викторовым работают в соседней пещере. Хоть им и не приходится пока болтаться на веревке и спать под землей, мы нисколько не завидуем им. Каждый день им приходится преодолевать небольшой и совсем простой ход, по дну которого бежит ручей. Высота потолка в этом месте всего с полметра. И каждый раз им приходится раздеваться, складывать одежду в полиэтиленовый мешок, ложиться в воду с температурой всего в три градуса и ползти, чтобы потом после долгого разогревания посредством бега по подземным лабиринтам продолжать работу. Так из-за недостатка снаряжения нам приходится идти на рискованные эксперименты.

* * *

По наклонному, отшлифованному водой желобу подобрались к краю колодца в Актовом зале. По желобу струился небольшой ручеек и звонкой россыпью падал в колодец. Брошенные вдоль стены камни тут же падали в какую-то лужу. Камни же, откинутые поближе к центру колодца, долго не задевают за стены и падают до глубины 35—40 метров. Просветить хотя бы верхнюю часть колодца не удалось, так как из него поднимается густой туман. Жаркевич на дюльфере начал спуск. Прошел желоб, карниз и исчез в тумане. Минуты через три достиг уступа, на который, видимо, падали камни. Зачерпнул ботинком воды. Попробовал оглядеться, но луч фонаря безнадежно тонул в тумане. Перешагнул через уступ — стена сразу ушла в сторону. Впечатление, что остался один в абсолютной пустоте. Ручей забарабанил по каске. Если до этого его струя падала куда-то в сторону, то теперь, когда веревка попала в его русло, вода попадает в лицо, рукава, постепенно намокает штормовка.

Колодец имеет самую отвратительную форму, какую только можно представить — форму спирали. Веревка вращается то в одну, то в другую сторону. Первое время Жаркевич пытался считать количество оборотов, но скоро сбился со счета. Потом веревки, основная и страховочная, переплелись окончательно. Попытка распутать их вращением ни к чему не привела. Тело не слушается, сколько ни извивайся, ни бросай его из стороны в сторону — опоры нет. А ручей спокойно и деловито сеется по каске, по лицу, по уже мокрой спине.

Десять минут, двадцать, час, полтора... Все бесполезно. Теперь уже не может быть и речи о дальнейшем спуске. Теперь только наверх, но страховочная веревка не движется и вверх. Приходится тянуть за обе веревки сразу, но и это не помогает, видимо, они застряли в щели. К тому же тянуть приходится почти под прямым углом к оси, на которой висит Жаркевич, а веревки несколько раз огибают уступы, создавая огромное трение. Приходится Петрашу спуститься по желобу до карниза, лечь в ручей и, повиснув над обрывом, оттягивать веревки к центру колодца. Только через час мокрый и обессиливший Жаркевич был поднят из колодца. Потерпев неудачу в Актовом зале, группа прошла ряд коротких колодцев в дальнем левом ходу и к концу дня остановилась перед новой преградой: ход упирался в стену, где на высоте 7—8 метров снова зияло большое отверстие.

ТАИНСТВЕННЫЕ ШАГИ

В нашем лагере всегда ночь. А лагерь наш — две палатки в сухом тупике за Эверестом. Напротив палаток на кольях висят два керосиновых фонаря. Мы их зажигаем по утрам и вечерам, возвращаясь с работы. Трудно привыкнуть к тому, что нет солнца, и просыпаясь утром, стараешься представить, что там наверху: дождь или солнце, тихо или ветер.

—Идем посмотрим небо,—говорит Рудик после работы и, смотав веревки, мы пробираемся с ним к стволу шахты.

— Ну что там у вас — дождь? — спрашивает Рудик.

— Нет! — доносится сверху.

— И солнце есть?

— Есть.

— Высоко?

— Что высоко?

— Солнце.

—Нет, скоро уже закатится.

Получив ужин и еще немного полюбовавшись небом, возвращаемся в лагерь. Около палаток на куске брезента идет обсуждение результатов дня. Уже сейчас ясно, что Сумган —самая глубокая пропасть на Урале и вторая по длине. А в Башкирии — первая. Но мы надеемся в скором будущем перекрыть по длине Кунгурскую ледяную пещеру, которая сейчас считается самой крупной на Урале. Это будет тогда, когда мы приступим к штурму нижнего горизонта.

На днях у нас был очень странный случай. В тот день геодезисты вели съемку в левом ходе за Галереей геофака. Выбрав сравнительно сухое и ровное место, остановились на обед. Вдруг где-то совсем рядом услышали шаги. Шаги приближались, скоро они были уже совсем близко, и отчетливо слышалось чавканье сапог. Потом шаги стали удаляться и затихли совсем.

—Кто это может быть?—спросил Петраш.

—Не знаю, — пожал плечами Евгений Данилович Богданович.—Кроме нас здесь никого не может быть. Видимо, Женя все-таки уговорил начальника и спустился фотографировать.

— Не должно быть,— сказал Камалов.— Не думаю, чтобы ему одному разрешили спуск в пропасть.

Обед кончился, нужно было продолжать работу, и тут же об этом случае забыли, так и решив, что кто-нибудь из ребят, работавших на поверхности, спустился вниз для фотографирования.

ЧЕТВЕРГ
3 НОЯБРЯ

19.00 — Телевизионные новости (Уфа). 19.20 — Фильм для детей (Уфа). 19.30 — К 50-летию Советской власти. «По следам славного подвига» (на башкирском языке). 19.45 — Документальный фильм (Уфа). 19.55 — Советы врача. Беседа. (Уфа). 20.20 — Мир сегодня (Москва). 21.00 — В. Дарасели. «Киквидзе». Премьера телеспектакля. Передача из Тбилиси. 22.30 —Телевизионные новости (Москва). 23.00 — Мастер огненных дел. Телеочерк (Москва). 23.50 — «Мы идем в цирк» — телевизионный фильм.

ПЯТНИЦА
4 НОЯБРЯ

19.00 — Телевизионные новости. (Уфа). 19.20 — Фильм для детей. 19.40 — Для школьников. Телерасказ «Уфа—Челябинск». 20.00 — Документальный фильм. 20.20 — На праздничной вахте. (На башкирском языке). 20.30 — Художественный фильм «Пакет». 22.10— К 50-летию Советской власти. «На одной планете». (Уфа). 23.10 — Интервидение. Поет народная артистка СССР Б. Руденко. Передача из Киева. 24.00—«Дети Дон-Кихота». Художественный фильм. (Москва).

Орган Башкирского обкома ВЛКСМ
Издается с 1924 года

...ЕНЕЦ

Орган Башкирского обкома ВЛКСМ

34(3897) ★ ПОНЕДЕЛЬНИК, 7 НОЯБРЯ 1966 года ★ Цен

та Николай Кокшаров. Он и прокомментировал ход матча: «Автомобилист»—команда, которая имеет все достоинства: играет на высоких скоростях, знает очень много тактических приемов, но ей порою не хватает умения правильно использовать завершающий момент атаки. Это же было и в матче

дел в этом матче великолепно. Ожидаемый счет —5:1 или даже 6:1, Однако предсказания болельщиков Свердловска не сбылись. Этому в большой степени помешала активная игра защиты спортклуба Салавата Юлаева. Прекрасно играл вратарь СКСЮ, который очень удачно принимал шайбы. Зри-

...мать любой спортивный коллектив.

* * *

Вторая встреча наших хоккеистов со свердловским «Автомобилистом» состоялась 5 ноября. Команда уфимского спортклуба имени Салавата Юлаева потерпела поражение со счетом 2:4.

...мание уделял агитационно-пропагандистской работе среди бойцов и местного населения. Он всегда был среди бойцов, помогал полковым коммунистическим ячейкам, руководил партийными собраниями и конференциями, часто и горячо выступал с докладами и лекциями.

Кипучая деятельность Фурманова сыграла огромную роль в укреплении революционной дисциплины, стойкости и боевого напора чапаевцев. Вместе с ними он совершил труднейшие походы против Колчака, участвовал в боях под Бугурусланом, Белебеем, Уфой, Уральском.

Вот один из боевых эпизодов под Бугурусланом. 220-й полк, состоящий почти из одних иваново-вознесенских рабочих, дважды бросался в атаку на белогвардейские по-

Белебеевский Дом культуры. В нем Фурманов выступал с лекцией о Парижской Коммуне.

Хотя афиш было очень мало, на лекцию пришло много народа — не только из города, но и из соседних сел и деревень. Дом Свободы не вмещал всех слушателей. Были открыты все двери и окна, и люди с большим интересом слушали комиссара-большевика.

После лекции был дан концерт, которым руководила Анна Никитична Фурманова— друг и жена комиссара, работник политотдела Чапаевской дивизии.

Боевой путь Фурманова на фронте гражданской войны хорошо известен из таких его произведений, как «Красный десант», «Чапаев», «Мятеж». Будучи еще на фронте, он вынашивал мечту написать книгу

зрелый комиссар, быстро мел найти ключ к сердцу родного героя. Недаром ставаясь, Чапаев не мог жать слез и трогательно изнес:

— Прощай, Митяй! Во гих боях мы с тобой много горя вместе Полюбил я тебя кре жаль расставаться.

Фурманов тоже с гр покидал Чапаевскую див Образ Чапая не выходил го из головы. Направляя приказу М. В. Фрунзе на гой участок фронта, он с дороги Василию Иван «Здравствуй, дорогой Ча Ты едва ли поверишь том я скучаю по дивизии. Бы летаем мы с тобой по ту, как птицы: дух зани жить хочется, хочется д живее, работать отчаянне петь и не умолкать...».

А когда Фурманов уз

— Какие интересные звезды... Нет! Это не звезды.

Я останавливаюсь и срываю с плеча двустволку.

—Рысь или филин,—мелькает в голове.

Снова фиолетовый блеск. Вскидываю ружье, но глаза тут же потухли. Как только появятся — буду стрелять. Но сзади Боря включил фонарик, и какой-то зверь метнулся в сторону.

ПО ПОДЗЕМНОЙ РЕКЕ

Глубина 130 метров. Это, конечно, не пропасть Пьер-Сен-Мартен, но на Урале в карстовых пропастях такой глубины еще никто не достигал.

Мокрые после спуска под падающим ручьем стоим у лестницы на дне третьего колодца, дожидаясь, когда спустят инструмент и лодку. Сначала идем по следам Эдика, который был здесь первым, но около реки они поворачивают назад. Ледяной спуск метров пятнадцать. Радик поскользнулся и преодолел его на спине, рискуя улететь в боковую щель. Нам удалось спуститься более благополучно. Сегодня мы идем по подземной реке. Ноги почти по колено тонут в вязком иле. В некоторых местах без помощи товарища из него трудно выбраться. То и дело путь нам преграждают илистые заводи и нагромождения до блеска отшлифованных водой черных глыб. Свежий обвал. Обходим его стороной. И еще несколько раз нам подолгу приходится блуждать в беспорядочно извивающихся лабиринтах, прежде чем нам снова удается выйти к реке. Подземные реки в отличие от обычных земных не всегда имеют берега. Часто они текут, тесно сдавленные отвесными скалами. Тогда спелеологи уплывают по ним на резиновых лодках. Если же потолок становится слишком низким или совсем смыкается с водой,— уходят в гидрокомбинезонах с аквалангом.

Отдыхаем на песчаной косе из крупнозернистого белого песка. Это настоящий пляж, но только он впервые видит людей и никогда не видел солнца. Лежим, раскинув руки, на влажном песке. Вслушиваемся в гул реки, уходящей на юг. Там, километрах в шести отсюда, она вырвется на поверхность. В будущем, может быть, кто-нибудь из спелеологов проделает этот путь и выйдет на солнце из Голубого озера под 200-метровой скалой недалеко от нашей избушки. Но это дело будущего. А сейчас мы перед новой преградой. Берегов больше нет, река уходит в каменную трубу, и где-то в глубине ее ревет невидимый то ли порог, то ли водопад. Неплохо бы узнать причину столь мощного шума, чтобы знать, какие преграды нас ждут в будущем, если мы

(Окончание. Начало в №№ 130—133).

еще раз придем сюда. Не мы, так другие, но кто-нибудь обязательно придет.

Привязываем к веревке резиновую лодку. Петраш уплывает на ней вниз по реке. Скоро свет его фонаря пропадает за поворотом. Только конец мокрой веревки в наших руках заставляет верить в реальность того, что кто-то есть в этой мрачно гудящей трубе. Чтобы убедиться в этом, коротко дергаю веревку. На языке водолазов (и на нашем языке) это означает: «как себя чувствуешь?». Такой же ответный рывок помогает мне избавиться от сомнений: «чувствую себя хорошо». И опять томительное ожидание. Но через несколько минут до нас доходят три коротких рывка: «выхожу обратно». Прошу повторить сигнал. В ответ частые беспорядочные рывки: «поднимайте скорей!». Что-то случилось. Стремительно выбираем веревку. Немного успокаиваемся, когда из-за поворота появляются отсветы фонаря. Причина столь быстрого возвращения—в лодке оказалась вода. Вытащили лодку на берег. Дыр вроде нет. Решили, что Петраш незаметно для себя зачерпнул через борт. И снова она уплывает в напряженно гудящую темноту. И опять в лодке вода. Видимо, лодка все-таки где-то проходилась. Так как вода набирается не слишком быстро, Петраш решил плыть дальше.

Все ближе и напряженней гул невидимого порога. Течение замедлилось. Лодка стоит на месте под тяжестью затонувшей в своей середине веревки. Приходится работать веслами. Плыть осталось всего с десяток метров, но кончилась веревка. Пятидесяти метров оказалось мало. Посылаем по веревке сигнал — три коротких рывка: «выходи наверх»...

СТРАШНЫЙ НОЧЛЕГ

Часы показывают восемь. На земле уже вечер. Выползли ночевать на горизонт: кто в Актовый зал, кто в Зал медведя. А ночью ребята в Актовом зале проснулись от непонятного свиста, шипенья, грохота. По телу побежал не очень приятный озноб. Что это такое? Мозг лихорадочно работал, стараясь найти объяснение. Зверь? Но всем известно, что никакие крупные звери, способные издавать такой мощный рев в пещерах, да еще на такой глубине, не живут. Акустический эффект вследствие движения потока воздуха или воды? Но тогда звуки имели бы какую-нибудь повторяющуюся последовательность. А это — дикий хаос. Шипенье... Свист... Свист вдруг оборвался, тишина... Шорох — и раздирающий уши грохот.

Рудик осторожно шарит по палатке в поисках какого-нибудь тяжелого предмета вместо оружия, а Безроднов уже ходит с ножом в руках перед выходом из палатки. Шаги в пещере несколько дней назад? Может быть, эти звуки и те таинственные шаги принадлежат одному существу? Пять минут. Десять... Шум не прекращается. Что делать? Ждать?

— Пойдем посмотрим, что там такое,— говорит Камалов.

Осторожно приоткрыли палатку, вылезли вдвоем с Безродновым. Внимательно просвечивая вокруг себя, пошли вдоль стены навстречу непонятному грохоту. Фонари выхватили из темноты странный продолговатый предмет, которого раньше здесь не было. Осторожно подошли. Вдруг Камалов покачнулся, упал на колени и захохотал. Его хохот диким визгом отдался в сводах и заставил вздрогнуть Безроднова. Но и он тут же повалился в неудержимом смехе.

На куске брезента в своем спальном мешке спокойно спал Усольцев (в панике они не заметили, что его не было в палатке), и его хилый храп мощным грохотом отдавался в высоких сводах Актового зала.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Утром снова уходим к реке. От центральной галереи в стороны то и дело ответвляются ходы и манят темнотой. Но отгоняешь от себя это настойчивое желание, потому что сегодня нужно кончить съемку хотя бы пройденных вчера ходов. Потому что сегодня последний день работы в пропасти.

За полтора месяца напряженной работы все порядком умотались, и уже часто сдают нервы. Уже ничего не стоит по глупому поводу накричать на товарища, хотя через несколько минут будешь горько сожалеть об этом. Все чувствуют большое переутомление, а при переутомлении притупляется чувство осторожности. И уже поэтому необходимо свертывать работу, хотя дальнейшие исследования очень многообещающи.

Проходим последние метры центральной галереи. По ней от колодца мы сняли на план 1 100 метров. Много осталось не снятым и еще больше — совсем не пройденным. В шесть часов начинаем подъем. Уходит Петраш, потом Рудик. Тяжелый рюкзак старается опрокинуть его назад, оторвать от лестницы, не слушаются замерзшие руки. А сверху нудно долбит каску ручей.

Рудик прошел отрицательный угол, спираль, до уступа осталось всего с метр, но нет, не выползти из него, и выдохлись наверху страхующие Шаров и Викторов. Зовут на по-

мощь Петраша и втроем вытаскивают Рудика в желоб, к которому он на четвереньках выбирается к их ногам.

Потом поднимаем лодку, рюкзаки, инструменты. Цель час ушел на подъем обессилевшего Усольцева, который работает в пропасти без выхода на поверхность шестые сутки Безроднову, который остался внизу последним, долго при лось мерзнуть в ожидании подъема. Потом он говорил, что у него перед глазами плыли от усталости радужные круги, чтобы избавиться от них, приходилось мочить лицо холодной водой.

Не менее трудный подъем из семидесятиметрового колодца на поверхность. На земле уже ночь. Две звезды ярко мерцают в отверстии пропасти. Лезешь и не веришь, что когда-нибудь выберешься к ним. Когда первые поднявшиеся грелись у костра, Петраш с Гориным еще не вышли из лагеря № Чтобы хоть немного согреться, Петраш ходит по залу. Потом замечает небольшое отверстие и просит Толю подсадить его туда. Прямо над палаткой обнаружил ход, пошли по нему. Белые и прямые, как стволы берез, сталагмиты. Прошли по ходу больше двухсот метров и остановились перед колодцем. Но надо возвращаться. Так и этот ход остался непройденным.

Только в два часа ночи вернулись в базовый лагерь. К нашему удивлению, здесь никто не спит. Ждали нас. Сбрасываю веревки, в бессилии сажусь на скамейку около избушки. Даже нет сил пересесть за стол.

— Хорошо, когда все хорошо кончается,— говорю я себе. Хотя нет, еще не все. Завтра еще нужно поднимать из пропасти снаряжение.

И все-таки все хорошо. Я смотрю на ребят и улыбаюсь, не зная чему. Грязные и обросшие парни сидят вокруг стола. Колышущееся пламя свечи выхватывает из темноты усталые лица и всклокоченные бороды. Уткнулись в миски, забыв про все, и от усталости не замечают даже, что на ужин свежее мясо и молоко. Вместо того, чтобы хоть немного поспать ведь в семь снова вставать, наваливаем в костер толстых березовых чурбаков и на штормовках устраиваемся вокруг.

—А все-таки трудно привыкнуть к пещерам. Особенно когда видишь свежий обвал,— говорит Камалов.— Нужно признать мужество французов, которые целыми месяцами живут в пещерах в одиночку.

— А что на будущий год?— поворачивается к Евгению Даниловичу Жаркевич.

— По плану экспедицию на будущий год намечено перебросить в долину реки Нугуш.

— А Сумган?

— Видимо, Нугуш еще подождет с год. Сумган, по возможности, нужно пройти до конца.

— Остался самый трудный участок, и если возвращаться сюда, нужно готовить очень основательную экспедицию...

—Поэтому нужно, по возможности, сохранить старые кадры...

— И нужно будет разбивать стационарный подземный лагерь...

— И нужны будут примусы и пуховые спальные мешки...

— Гидрокомбинезоны и резиновые лодки...

— Стальные крылья и лебедка...

Мечты о будущем, а еще не вернулись из этой экспедиции.

ДО СВИДАНИЯ, САКАСКА!

Последний и очень грустный день на Сакаске. Пасмурно. Иногда моросит дождь, но чувствуется, что скоро разгуляется и будет тихий и по-осеннему хороший день. Ребята чинят лодки. Плоты мы давно бросили. Гулкий стук молотков тупо отдается в дремлющей воде. От избушки низко взлетают вороватые вороны.

Вчера к вечеру из Сумгана подняли последнее снаряжение и по всей поляне растянуты высушенные веревки, палатки, штормовки. Пришел прощаться старик Латыпов, единственный житель Сакаски.

— Вот уплывете завтра, скучно совсем будет. Привык я к вам за два года. Может быть, больше не встретимся. А надо бы, больно надо. Несколько раз.

Крик в ночи. Заблудившиеся туристы. Приглашаем ночевать. Отказываются. Видимо, им не внушает доверия наш бородатый и оборванный вид. Беру ружье и иду провожать их до тропы.

Утром встаем в шесть. Грузим лодки. Еще раз обходим лагерь — не забыли ли что. Закрываю в последний раз избушку, мне тоскливо отвечают поржавевшие петли...

НАШ АДРЕС:
УФА, Пушкина, 63